

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТРАДИЦИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО КРАСНОРЕЧИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

В научной традиции изучения творчества М. В. Ломоносова немало работ посвящено анализу его новаторства, формированию нового отношения к искусству словесности, выяснению его роли в становлении отечественной риторики и стилистики — как в теории, так и в практическом их применении. При этом творчество Ломоносова-оратора и теоретика литературы рассматривалось преимущественно на фоне риторического наследия античных и западноевропейских авторов¹.

Однако правомерно и важно рассмотреть возможность использования М. В. Ломоносовым традиций древнерусского красноречия, не полагаясь на априорное предубеждение — о якобы отрицании им средневековой литературы и древнерусского риторического наследия. Такая постановка проблемы неизбежно ставит перед исследователем принципиально важный вопрос: какова степень осведомленности Ломоносова в области древнерусского искусства слова, какие памятники древнерусского красноречия были ему известны?

В исследовании Г. Н. Моисеевой «Ломоносов и древнерусская литература» было показано, что Ломоносову «был известен обширный круг письменного наследия древней Руси: летописи, исторические повести — о битве на реке Калке, о приходе Батые на Рязань, о Куликовской битве (две редакции), о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, о взятии Иваном III Новгорода, “Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси”, Никоновская летопись, Казанская история, “История о великом князе Московском” А. Курбского, Сказание о князьях владимирских, “Сказание” Авраамия Палицына, Новый летописец. Хорошо известны были ему произведения второй половины XVII в.: стихотворения Симеона Полоцкого и Кариона Истомина, многочисленные повести о стрелецком восстании, авантюрно-любовные повести (о Бове-королевиче, о королевне Дружневне, о Еруслане Лазоревиче), произведения демократической сатиры.

Внимательно изучены Ломоносовым произведения церковно-учительной литературы: “слова” Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Дамаскина, Амвросия Миланского. Хорошо известны были Ломоносову древнерусские жития: княгини Ольги, Бориса и Глеба, Владимира Святославича (в неизвестной нам редакции), Александра Невского, Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского, Сергия Радонежского»².

Как показывает исследование Г. Н. Моисеевой, это далеко не полный список известных Ломоносову памятников древнерусской литературы. Следует учитывать также, что в состав перечисленных выше памятников оригинальной литературы неораторского жанра входили замечательные образцы древнерусского красноречия. Например, изучив «Повесть о приходе Батые на Рязань», Ломоносов ознакомился с завершившей ее «Похвалой» роду рязанских князей. Так и «Слово о житии Дмитрия Ивановича Донского», хотя и рассмотрено Г. Н. Моисеевой как повесть, является сложным в жанровом отношении произведением. В нем произошло объединение традиционных жанров древнерусской литературы: торжественного «слова», жития, воинской повести, поучения, плача и надгробной речи-«похвалы». При этом ведущее положение в нем, без сомнения, занимают, по словам Т. В. Черторицкой, «ораторские формы»³.

¹ См. об этом: Артеменко Т. Н. Традиции древнерусского панегирического красноречия в литературном творчестве М. В. Ломоносова. АКД. М., 1999.

² Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 24.

³ Красноречие Древней Руси. (XI–XVII вв.) / Сост., вступит. статья, подготовка древнерусских текстов и комментарии Т. В. Черторицкой. М., 1987. С. 406.

Таким образом, необходимо, учитывая уже проделанную научную работу по выявлению памятников древнерусской литературы, известных М. В. Ломоносову, определить текстовую базу для проведения исследования заявленной проблемы, очертив круг памятников древнерусского красноречия, с которыми Ломоносов мог быть знаком.

Разумеется, составить полный перечень таких памятников не представляется возможным по целому ряду причин. Во-первых, достаточно большая часть библиотечных собраний, изученных Ломоносовым, утрачена безвозвратно, а то, что сохранилось, не описано в полной мере. Во-вторых, использование Ломоносовым той или иной книги документировалось работниками посещаемых им библиотек довольно редко. Задачу определения древнерусских исторических произведений (различных летописей, повестей и сказаний), а также житий святых, использованных Ломоносовым, облегчает наличие в них сюжетного повествования с упоминанием конкретного времени и места совершения событий, их участников, топонимов и т. п. Перенесение Ломоносовым этой исторической информации в его историографические (иногда со ссылкой на источник) и литературные сочинения дает исследователю конкретное направление, в котором должен осуществляться поиск источника. Указанное выше исследование Г. Н. Моисеевой — блестящий образец такого рода работы.

Сложнее выявить известные Ломоносову памятники древнерусского красноречия. Несюжетный характер, приуроченность многих церковно-панегирических и учительных «слов» к церковной службе (панегирик празднику, святому или обращенное к пастве «поучение» на отвлеченно-нравственную тему) и, как следствие, отсутствие исторической конкретики (как, например, в торжественных «Словах» Кирилла Туровского), а также традиционный характер использования древнерусскими ораторами образно-стилистических средств языка — все это затрудняет поисковую работу.

Такие же трудности возникают при работе с теми памятниками нецерковного красноречия, в которых в силу их жанровой специфики нет развернутого сюжетного повествования о том или ином событии из истории древней Руси (оно может быть и не названо), но содержится только его оценка (как, например, в сохранившемся вступлении «Слова о погибели Русской земли»). Нередко древнерусские ораторы и публицисты дают лишь намёк на то или иное событие, ту или иную историческую ситуацию, облекая при этом свою речь в скрытую, аллегорическую форму («Слово печальное» Максима Грека, «Сказание о Магмете-салтане» Ивана Пересветова и другие).

Еще одна сложность предпринятой работы заключается в том, что в «Кратком руководстве к красноречию» и других трудах по филологии Ломоносов не упомянул ни одного из известных ему памятников оригинального древнерусского красноречия, не назвал никого из русских ораторов. Единственное исключение он делает для Феофана Прокоповича, имя которого упоминается в черновом варианте его «Риторики» (VII, 174, примечание «д»). Как считает А. С. Елеонская, «подобная “фигура умолчания” могла быть вызвана в данном случае не неосведомленностью писателя, а его резко отрицательным отношением к барочным проповедникам»⁴. Однако, оставляя в стороне вопрос об отношении Ломоносова к барочным проповедникам, отметим, что преемственные связи Ломоносова-оратора и филолога с русской традицией красноречия далеко выходят за временные рамки барочной литературы и охватывают, как показали работы А. Д. Оришина, Г. Н. Моисеевой, А. С. Курилова⁵, весь период развития древнерусского искусства слова.

Причина молчания Ломоносова, на наш взгляд, кроется еще и в том, что он ставил перед собой задачу популяризации русской риторики как таковой, ориентируясь не на узкий круг знатоков

---

⁴ Елеонская А. С. Проблематика «слов» Ломоносова и русская ораторская проза переходного времени // Ломоносов и русская литература: Сб. ст. М., 1987. С. 127.

⁵ Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981; Оришин А. Д. Традиции древнерусского красноречия в ораторской прозе Ломоносова // Искусство слова. Сб. статей к 80-летию чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благого. М., 1973. С. 48–53.

древних рукописей и старопечатной литературы, а на широкую аудиторию, не сведущую в тонкостях риторской науки и в вопросах истории отечественной словесности.

Указанные выше обстоятельства существенно затрудняют поисковую работу, однако не исключают целиком возможности ее проведения. Данные биографов Ломоносова и имеющиеся описания книжных фондов посещенных им библиотек, а также каталог его личной библиотеки позволяют пролить некоторый свет на заявленную в заголовке проблему.

В личной библиотеке Ломоносова, описанной Г. М. Коровиным, имелись не только ораторские «слова» Иоанна Златоуста, сочинения Василия Великого, Иоанна Дамаскина. В библиотечной описи фигурируют и древнерусские, главным образом, исторические книги, содержащие в сумме немалое количество образцов оригинального красноречия: Никоновская летопись третьей четверти XVI в. (по терминологии Ломоносова, «искаженная летопись Нестора»); Новгородская третья летопись первой четверти XVIII в.; Остермановский лицевой летописец (у Ломоносова — «Летописец древний»); три экземпляра Степенной книги — середины, второй и третьей четверти XVII в. соответственно; Петровская копия Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи XVIII в. (Ломоносов называл её «Нестор»)⁶.

Летописи давали Ломоносову не только ценный материал по русской истории. Например, летописные статьи 969 г. (надгробный панегирик княгине Ольге), 986 г. («Речь Философа»), 988 г. (начиная со слов: «Собыс(ть)ся пр(о)р(о)ч(е)ство на Руской земли...»⁷), 1015 г. («Похвала» Владимиру, «Похвала» Борису и Глебу), 1037 г. («Похвала» Ярославу и «учению книжному»), 1067(8) г. (обличительная речь по поводу поражения русских князей от половцев), 1078 г. («Похвала»-некролог Изяславу Ярославичу), 1093 г. («Похвала»-некролог Всеволоду Ярославичу), содержащиеся в «Повести временных лет», текст которой Ломоносов лучше всего знал именно по Радзивилловскому списку, являются блестящими образцами древнерусского красноречия, панегирического и учительного.

Изучая Радзивилловскую летопись, Ломоносов не мог не обратить внимание и на княжеские некрологи, содержащие панегирические характеристики умерших князей Владимира Мономаха (1125 г.) и Андрея Боголюбского (1175 г.). Кроме того, Ломоносову по списку этой летописи были известны «Похвала» епископу ростовскому и владимирскому Луке (1185 г.), «Похвала» жене князя Всеволода Юрьевича (во иночестве Марии — 1206 г.).

Вероятнее всего, со списком Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи Ломоносов ознакомился в Петербурге после возвращения из Германии. В полемике с Миллером, развернувшейся в 1749 г. по поводу диссертации последнего «Происхождение имени и народа российского», Ломоносов демонстрирует великолепное знание этого списка «Повести временных лет»⁸. Как отмечают Е. Б. Рысс и Г. Н. Моисеева, Ломоносов «чрезвычайно внимательно относился к этой летописи, считая её одним из важнейших источников для понимания исторического процесса IX — начала XIII в. В 1753 г. (как это видно из расписки, сохранившейся в журналах выдачи книг из Академической библиотеки) он взял эту рукопись **домой** и в течение **ряда лет работал над ней** (выделено мной. — Т. А.)»⁹. Вероятно, именно поэтому она и была занесена в опись личной библиотеки Ломоносова.

В Патриаршей (Никоновской) летописи (кроме упомянутых выше, аналогичных Радзивилловской летописи) фрагментов внимание Ломоносова могли привлечь краткие «похвалы»-некрологи князьям Всеволоду Юрьевичу (1213 г.), Константину Всеволодовичу (1218 г.), Васильку

⁶ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961. С. 226–228, 235–237.

⁷ ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 54. Здесь и далее «Повесть временных лет» цитируется по списку Радзивилловской летописи.

⁸ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 126–127.

Константиновичу (1237 г.), Михаилу Ярославичу Тверскому (1320 г.)¹⁰, Ольгерду Литовскому (1377 г.), княгине Евдокии («Кто доволенъ изъглаголати силы Господня..?») (1407 г.)¹¹, а также панегирики князьям большего объема — «похвала» Александру Невскому («Сей благоверный и благородный, Богом преудобренный и хваламъ достойный великий князь Александръ Ярославичь...») (1241 г.)¹² и «похвала» Дмитрию Донскому, начинающаяся словами: «Кому уподоблю великаго сего князя Дмитрея Ивановича?..» (1389 г.)¹³.

Есть все основания полагать, что Ломоносову было также известно похвальное «слово», написанное по поводу рождения великого князя Ивана Васильевича (1530 г.)¹⁴.

По списку Патриаршей (Никоновской) летописи Ломоносов имел возможность ознакомиться и с памятниками оригинального учительного красноречия: «Поучением» детям (1205 г.), составленным от лица княгини Марии («Возлюбленная моя чада! Се азъ отхожу отъ света сего...»), после которого помещена краткая «похвала» княгине и ее сыну Константину, предсмертным «Поучением» великого князя Константина Всеволодовича (1218 г.)¹⁵, «Поучением псковичам» владыки Симеона Новгородского (1419 г.)¹⁶ и «Посланием учительным во Свиязский град» митрополита Макария (1552 г.)¹⁷.

Вероятнее всего, внимание Ломоносова привлекли внесенные в Никоновскую летопись речи Ивана IV, адресованные митрополиту Макарию, князю Владимиру Андреевичу, и их ответы.

Немало блестящих образцов древнерусского красноречия, панегирического и учительного, было включено в Степенную книгу. Назовем (в хронологическом порядке) лишь некоторые из них: завершающая «Житие» княгини Ольги «Похвала» (со слов: «потщима радостнотворными глаголы похвальная отчасти краткою беседою принести къ ней, вкупе же и благородному изращению ея, сице вопиюще...»), имеющее самостоятельное значение «Слово похвально на память святыхъ ... великия княгини Ольги», «Похвала вкратце» Владимиру Святославичу («Мы же кое слово достойно похвалению возможемъ принести предводителем нашим..?»), «Похвала» Борису и Глебу, «Похвала» Ярославу и «учению книжному», краткие панегирики князьям Изяславу Ярославичу («Бысть же красен взоромъ...»), Ярополку Изяславичу («Сей же блаженный князь Ярополк...»), завершающая «Житие» Ефросинии «Похвала» (со слов: «Кимъ убо языкомъ, братия, достоить намъ похвалити светозарную память преблаженныхъ ... Еуфросинии?»), открывающие «степени родства» панегирики князьям Всеволоду Юрьевичу, Александру Ярославичу Невскому, Даниилу Александровичу, Ивану Даниловичу Калите, «Похвала» Петру митрополиту¹⁸, «Слово похвальное ... Алексею чудотворцу, митрополиту Киевскому и всеа Русии», «Похвала вкратце» Дмитрию Донскому (извлечена из «Слова о житии Дмитрия Донского»), «Вкратце похвала» митрополиту Ионе, «Вкратце похвала» великому князю Василию Ивановичу¹⁹.

Не исключено, что Ломоносову был известен замечательный памятник красноречия начала XVII в. — «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства», поскольку

⁹ Рысс Е. Б., Моисеева Г. Н. М. В. Ломоносов — читатель Библиотеки Академии Наук // 250 лет БАН СССР. Сб. докладов юбилейной научной конференции 25–26 ноября 1964 г. М.; Л., 1965. С. 319.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 10. М., 1956. С. 64–65, 81, 111, 187.

¹¹ ПСРЛ. Т. 11. М., 1956. С. 26, 198–199.

¹² ПСРЛ. Т. 10. С. 118–119.

¹³ ПСРЛ. Т. 11. С. 119–121.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. М., 1956. С. 48–53.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 49–50.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 234.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 180–183.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 29–31, 31–38, 131–133, 135–137, 150, 169, 176–177, 219–220, 221, 279–280, 332.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 383–386, 405–407, 524–526, 610–615.

«Плач» входил (в составе комплекса статей о Смутном времени) в дополнения «Книги степенной царского родословия».

В связи с затронутым вопросом о том, какие летописи были известны Ломоносову, отметим, что, как показало упомянутое выше исследование Г. Н. Моисеевой²⁰, Ломоносов, помимо Радзивилловской, Патриаршей (Никоновской) летописей и Степенной книги, изучил Воскресенскую, Суздальскую (Московский академический список), Софийскую I летописи, Новгородские I, III, IV и Псковские I и II летописи, Казанскую историю, Хронограф редакции 1512 г. и многие другие. В отдельные статьи некоторых из этих летописей включены произведения ораторского стиля.

Так, в изученной Ломоносовым Новгородской IV летописи содержались следующие образцы древнерусского красноречия: «Похвала» Михаилу Александровичу Тверскому (в составе повести о преставлении князя под 1399 г.), «Слово о житии Дмитрия Донского» (1389 г.), «Поучение» в связи со знаменем на небе (1402 г.), «Поучение псковичам» владыки Симеона (1418 г.)²¹.

Некоторые памятники оригинального панегирического и учительного красноречия вошли в состав Софийской I летописи. Среди них «Похвала»-некролог князю Васильку Константиновичу (1238 г.), лаконичная «Похвала» Роману Ольговичу Рязанскому и «Поучение» русским князьям («О возлюблении князи Русьстии!..») (1270 г.)²², «Похвала о благочестии веры» великому князю Ивану Васильевичу (1471 г.), «Слово о житии Дмитрия Донского»²³.

Выявляя круг памятников древнерусского красноречия, известных Ломоносову, необходимо также учесть и рассуждение П. Н. Беркова о «круге чтения» писателя — понятии, которое, по мнению учёного, включает в себя не только книги, находившиеся в составе личной библиотеки какого-либо писателя, но и книжный состав других библиотек, в которых этот писатель работал²⁴. При этом первостепенный интерес представляют те библиотеки, в которых Ломоносов работал до отъезда за границу, в тот период, когда в формировании его литературных вкусов главную роль играли традиции отечественной словесности²⁵.

Уже во время пребывания на Поморском Севере Ломоносов прочитал и изучил большое количество древних рукописных и старопечатных книг. Он имел доступ ко многим библиотекам (главным образом, церковным и монастырским), фонды которых состояли преимущественно из произведений переводной и оригинальной церковно-богословской литературы.

Как отмечают ранние биографы Ломоносова, отрок Михайло принимал участие в богослужениях местной Куростровской Дмитриевской церкви и при этом считался в ней «лучшим чтецом»²⁶. М. В. Веревкин свидетельствует, что в этот период жизни Ломоносов читал «обыкновенно одни только церковные книги». Когда же Михайло стоял в церкви «на клиросе и за амвоном», то делал это «расстановочно, внятно, а притом с особою приятностию и ломкостью голоса»²⁷. Этот факт подтверждается В. Варфоломеевым, который сообщает, что юный Ломоносов

²⁰ См. также другую работу исследовательницы: Моисеева Г. Н. Экземпляр «Камерного каталога», принадлежавший М. В. Ломоносову // Труды БАН СССР и Фундаментальной библиотеки Академии общественных наук СССР. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 108–116.

²¹ ПСРЛ. Т. 4. С. 104, 105–106, 118, 349–357, 359–360.

²² ПСРЛ. Т. 5. С. 174, 197.

²³ ПСРЛ. Т. 6. С. 1–3, 104–111.

²⁴ Берков П. Н. Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького). // Книга. Исследования и материалы. Т. VIII., 1963. С. 354.

²⁵ «Представление о непрерывности литературного развития и глубокой связи древней и новой литератур, — пишет Г. Н. Моисеева, — позднее нашедшее теоретическое обоснование в трудах Ломоносова, первоначально возникло под непосредственным влиянием исторически сложившихся особенностей севернорусской культуры — хранительницы древнерусского письменного наследия» (Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 223). См. также: Дёмин А. С. Литературные традиции в творчестве раннего Ломоносова // Ломоносов и русская литература. С. 80–102.

²⁶ Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Составитель Г. Е. Павлова. М.; Л., 1962. С. 49.

²⁷ Там же. С. 50.

«охоч был читать в церкви псалмы и каноны и по здешнему обычаю жития святых, напечатанные в прологах...». При этом Михайло имел у себя «природную глубокую память», которую он демонстрировал, «обстоятельно» пересказывая «в трапезе старичкам» прочитанные им во время церковной службы жития²⁸.

Данные биографов подтверждаются указанием самого Ломоносова на то, что он имел «от молодых лет обращение в церковных обрядах и служебных книгах»²⁹.

Значение этого обстоятельства до сих пор не было оценено исследователями в полной мере. С одной стороны, «обращение в церковных обрядах и служебных книгах» предопределило, как отметила Г. Н. Моисеева, «изучение Ломоносовым основных богослужебных книг: Служебника и Часослова, Октоиха, Минеи Праздничной и Минеи общей, Триоди Постной и Цветной, Типикона, Требника»³⁰. С другой стороны, что особенно важно, участие Ломоносова в богослужениях способствовало приобретению им навыков выступления перед аудиторией (чтение вслух псалмов, канонов и т. п. и «обстоятельный» пересказ прочитанных житий), а также обращению особого внимания на звучащую речь (читал «расстановочно, внятно» «с особою приятностию и ломкостью голоса»).

Этот первый «артистический», декламационный опыт, приобретенный Ломоносовым в трапезной, за клиросом и за амвоном родной Куростровской церкви на основе древнерусского литературного материала, впоследствии ему очень пригодится: «установка произносимости», «ораторский момент», по Ю. Н. Тынянову, станут чрезвычайно значимыми в творчестве Ломоносова — автора «Краткого руководства к красноречию», восьми ораторских «слов» и многочисленных «похвальных» од, которые по своей жанровой природе являются произведениями декламационными, ораторскими³¹.

²⁸ Там же. С. 62.

²⁹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1952. Т. 9. С. 429. (Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием тома и страницы).

³⁰ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 65.

³¹ Торжественная ода из всех жанров стихотворного «рода красноречия» является наиболее значимым жанром в художественной практике Ломоносова. Характерным качеством и организующим поэтику ломоносовской оды фактором является, по определению Ю. Н. Тынянова, «установка произносимости». Ломоносовская ода — «витийственный жанр», ораторское «стиховое слово», в котором «помимо грамматической интонации играла важную роль и ораторская». Кроме того, ода Ломоносова «может быть названа ораторской не потому или не только потому, что она мыслилась произносимой, но потому главным образом, что ораторский момент стал определяющим, конструктивным для неё» (Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 230, 241). В связи с этим надо сказать, что прямое свидетельство произносимости (или установки на произносимость) своей оды оставил сам Ломоносов: «Оду на рождение Иоанна» 1741 г., как явствует из авторского предисловия, «веселящаяся Россия произносит (выделено мной — Т. А.)» (VIII, 34). Такой подход обусловлен прежде всего теоретическими установками самого Ломоносова. «Слово, — писал он в «Руководстве к красноречию», — двояко изображено быть может — прозою и поэмою (стихами. — Т. А.)». Проза и стихи, с точки зрения автора «Руководства», — два самостоятельных «рода красноречия», сходствующие в аспекте «общества материи» и имеющие некоторое различие в «сложении» и «штите». Поэтому первый раздел «Руководства» — «Риторика» — посвящён «учению о красноречии вообще, поколику оно до прозы и до стихов касается» (VII, 96–97), и иллюстрирован как прозаическим, так и стихотворным художественным материалом. (Подробнее см. работу А. С. Курилова: Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века.).

Д. Д. Благой писал в связи с этим, что одическая поэзия, «под которой Ломоносов понимал прежде всего словесное мастерство «высокого штиля», являлась в его сознании отраслью риторики, красноречия, отличавшейся от другой её отрасли — «оратории» — только тем, она была облечена в стихотворную форму. Ритор, по Ломоносову, не только оратор, «вития», в узком смысле этого слова, но и вообще «писатель правил риторических», т. е. следующий в своих писаниях правилам красноречия». С точки зрения Д. Д. Благого, в адах Ломоносов является «таким же оратором», как и в своих «словах». «Написанные по всем «правилам риторическим», — продолжает исследователь, — оды его являются ярчайшим художественным воплощением стихотворно-ораторского стиля» (Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1951. С. 216, 218). Не случайно Ломоносов в стандартных риторических зачинах своих од допускал возможность употребления терминов «слово», «речь» вместо термина «ода». Так, в зачине Оды 1742 г. Ломоносов просит Марса «вложить свой шумный меч», чтобы не заглушать «стройность праздничного тона» и «Муз поющих ныне **речь**» (VIII, 61). Во вступлении Оды 1747 г., начиная воспевание «доброт» императрицы Елизаветы, он с самоуничижением заявляет: «Чтоб **слову** с оными (добротами — Т. А.) сравняться, / Достаток силы нашей мал...» (VIII, 199). В начале Оды Елисавете Петровне 1752 г. Ломоносов, обращаясь к монархине, признаётся: «Когда ни начинаем **слово**, / Сияние в тебе зрим ново / И нову красоту доброт» (VIII, 498).

Среди полутора десятка сохранившихся книг библиотеки Куростровской Дмитриевской церкви, без сомнения, полностью прочитанной Ломоносовым, имеются такие, в которых содержатся помимо текстов традиционного состава и образцы древнерусского панегирического слова. Это Триодь Цветная XVI в., Минеи за июнь и октябрь. Последнюю, как явствует из сообщения Г. Н. Моисеевой, Ломоносов переписывал собственноручно³². Возможно, в Куростровской церкви имелся и Торжественник: описи северных монастырских библиотек подтверждают наличие в них такого рода сборников³³. Если это так, то юный Михайло, еще будучи в своей родной деревне, мог познакомиться с образцами греческих (в славянском переводе), а возможно, и древнерусских мастеров церковного ораторского искусства.

Необходимо также учитывать, что помимо книг Куростровской церковной библиотеки в руки Ломоносову наверняка попадали и книги Выговской старообрядческой общины, среди которых, по всей вероятности, были сборники полемических «слов»-посланий и проповедей вождей старообрядчества. Можно полагать, что юноша Ломоносов, несмотря на скорый разрыв с раскольниками, усвоил свойственное им почтительное отношение к «древним» русским книгам и интерес к русской старине вообще, а также ощутил на себе влияние живой проповеди.

Были прочитаны Ломоносовым и книги из личных библиотек семей Бажениных, Дудиных, Шубных. В связи с этим необходимо учитывать, что уровень книжной культуры в среде Поморского крестьянства XVII — начала XVIII столетий был достаточно высоким. Об этом свидетельствуют проведенные в последние десятилетия исследования отдельных сохранившихся до нашего времени крестьянских библиотек³⁴. Как показывает опись книг крестьянской библиотеки пинежской семьи Поповых, сделанная Н. В. Савельевой, в ней, кроме книг служебного характера (Прологов, Минеи, сборников песнопений на церковные праздники), проповедей Иоанна Златоуста, Анастасия Синайского, переводных и оригинальных житий святых, имелись памятники древнерусского красноречия, главным образом учительного, такие, как «Слово о немилостивых князях», «Слово о наказании чаду», а также сборники Пчела, Измарагд³⁵.

Когда Ломоносову исполнилось двенадцать лет, в расположенных неподалеку от Курострова Холмогорах открылась Славяно-латинская школа. Несмотря на то что в школу допускались только дети духовных лиц, Ломоносов мог пользоваться школьной библиотекой, поскольку его мать Елена Ивановна Сивкова была дочерью дьякона из Николаевских Матигор³⁶.

Установлен факт знакомства Ломоносова в годы его юности с рукописями богатейшего книжного собрания Соловецкого монастыря³⁷. Описание части рукописных сборников Соловецкой библиотеки, предпринятое А. И. Лиловым, показало, что в библиотечных фондах хранилось большое число оригинальных памятников древнерусского красноречия, учительного и торжественного. «Беглый обзор» соловецких рукописей позволил исследователю выделить следующие произведения русских авторов: шестнадцать поучений митрополита Фотия, «слова» Григория Цамблака, одно «слово» Кирилла архиепископа Ростовского, «Слово о Михаиле и Федоре Черниговских» инока Зиновия, «Слово к новопросвещенной латыни» архиепископа новгородского Феодосия, «Поучение епископа ко всем христианом и князем», «Слово на день (памяти) Бориса и Глеба» (т. е. «Слово о князьях»), «Слово на день (памяти) Зосимы и Савватия», «Слово на перенесение мощей митрополита Петра», «Слово на перенесение мощей Сергия и Германа Валаамских», «Слово на

³² Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 67.

³³ См.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977.

³⁴ См.: Сазонова Л. И. Северодвинская крестьянская библиотека // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. М., 1975. С. 162–167; Савельева Н. В. Библиотека пинежан Поповых // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. Л., 1994. С. 266–314.

³⁵ Савельева Н. В. Библиотека Пинежан Поповых. С. 286–308.

³⁶ Водовозов Н. В. Традиции древнерусской литературы в творчестве М. В. Ломоносова // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Кафедра истории русской литературы. Т. 190. М., 1963. С. 4.

убиение Михаила князя», «Слово на убиение Дмитрия царевича», «Слово на обретение мощей Леонтия Ростовского», «Слово на день (памяти) Дмитрия Вологодского», «Похвала Феодосию Печерскому», «Похвала митрополиту Петру», «Похвала митрополиту Алексию», «Похвала митрополиту Ионе», «Похвала Сергию Радонежскому», «Похвала Никите Новгородскому», «Похвала Дионисию Глушицкому», «Похвала Кириллу Белозерскому», «Похвала Авраамию Ростовскому», «Похвала князю Владимиру»³⁸.

Этот внушительный перечень дополняется древнейшим списком третьей редакции «Слова о Законе и Благодати» Илариона, который, по сообщению Н. Н. Розова, наряду с памятниками агиографии Киевской Руси (например, Иакова-черноризца и летописца Нестора о князе Владимире, о Борисе и Глебе) входил в состав «Миней новым чудотворцам», переписанной для соловецкого игумена Досифея в конце XVI в. в Новгороде³⁹.

Кроме того, в многочисленных соловецких сборниках («Торжественники», «Златоусты», «Измарагд», Миней) хранилось полное собрание (восемь) торжественных «слов» Кирилла Туровского и его «Притча о душе и теле», «Повесть о беспечном царе и его мудром советнике», «Сказание об иноческом чине»⁴⁰.

Как сообщает Г. Н. Моисеева, в книжных фондах Соловецкой библиотеки имелись также сочинения Вассиана Патрикеева, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Андрея Курбского⁴¹.

Трудно сказать определенно, какие из перечисленных произведений, хранившихся на Соловках, были прочитаны Ломоносовым. Поэтому исследователям вопроса традиций древнерусского красноречия в творчестве Ломоносова необходимо принимать во внимание весь приведенный перечень.

В 1730 г. по дороге в Москву Ломоносов сделал остановку в Антониево-Сийском монастыре, где в течение некоторого времени он пономарствовал⁴². Можно полагать, что помимо необходимого для пономаря доступа к богослужебным книгам Ломоносов получил возможность пользоваться книгами богатейшей по тем временам Антониево-Сийской монастырской библиотеки (в монастырской описи 1692 г. указаны 692 книги — 333 печатных и 359 рукописных; в течение XVIII в. число книг, в особенности рукописных, постоянно увеличивалось⁴³). Не исключено также, что Ломоносов приезжал (возможно, неоднократно) в Антониево-Сийский монастырь и некоторое время находился здесь ещё до отправки в Москву, поскольку на монастырском подворье жил его дядя Иван Дорофеевич⁴⁴. Во время этих посещений племянник при помощи дяди мог удовлетворить свою любознательность в библиотеке монастыря.

Внимание Ломоносова к Соловецкой и Сийской библиотекам могло привлечь следующее обстоятельство. Ещё во второй половине XVII в. в них значительную часть литературы составляли «рукописи учебного характера: азбукники, алфавиты, грамматики, лексиконы, риторики, цифирные книги, или арифметики. Судя по описям, процент таких книг по отношению ко всему книжному фонду ... был наиболее значителен в Антониево-Сийском монастыре»⁴⁵.

³⁷ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 60–61.

³⁸ Лилов А. И. Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 1. С. 219.

³⁹ Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и её основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 302.

⁴⁰ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 342–367.

⁴¹ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 61.

⁴² Там же. С. 69.

⁴³ Кукушкина М. В. Библиотека Антониево-Сийского монастыря в собрании Библиотеки Академии Наук // 250 лет БАН СССР. Сборник докладов юбилейной научной конференции 25–26 ноября 1964 г. М.; Л., 1965. С. 309.

⁴⁴ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова / Составители: Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. М.; Л., 1961. С. 22; Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 69.

⁴⁵ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. С. 153.

Нет никаких документальных подтверждений, но, вероятнее всего, Ломоносов просмотрел книжные фонды Сийской библиотеки и прочел некоторые книги, в числе которых могли оказаться как перечисленные выше рукописи учебного содержания, так и произведения древнерусского красноречия. По данным исследования М. В. Кукушкиной, в Сийской библиотеке в конце XVII в. имелись следующие книги интересующего нас содержания: два списка произведений Иосифа Волоцкого, два списка сочинений Максима Грека, два списка Степенной книги, «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмех свободных художествах», рукописные Четьи-Минеи XVI–XVII в., охватывающие почти полный год; в описи конца XVI в. значатся «тетратки в четверть — предание старца Нила Сорьского»⁴⁶. Известно также, что в монастырской книжной казне хранилось большое количество сборников смешанного состава с преобладанием текстов на богословские темы (различных «слов» и «поучений»), однако описание этих сборников, сделанное ещё в дореволюционное время, к сожалению, не опубликовано по сей день⁴⁷. Более подробной информацией о составе книжного фонда Антониево-Сийского монастыря автор данной статьи не располагает.

В годы учёбы в Славяно-греко-латинской академии основной круг чтения Ломоносова составляли, как сообщает М. И. Веревкин, «летописи, **сочинения церковных отцов** (выделено мной — Т. А.) и другие богословские книги»⁴⁸. При этом Ломоносов обращал внимание не только на богословские и риторические сочинения греческих авторов. К примеру, Г. Н. Моисеевой удалось найти принадлежавший академической библиотеке (Заиконоспасского монастыря) церковно-дидактический сборник XVI в. с «характерными пометами» Ломоносова, в котором имелись статьи южнославянского («Житие» Кирилла Философа и «Память и житие» Мефодия) и русского происхождения⁴⁹.

В 1734 г. Ломоносов отправился в Киев «учиться философии, физике и математике». Однако там он, по указаниям биографа, «нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии: не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь в чтении **древних летописцев и других книг, писанных на словенском, греческом и латинском языках** (выделено мной — Т. А.)»⁵⁰.

В Киеве Ломоносов посетил библиотеки Киево-Могилянской академии, Киево-Братского монастыря, Киево-Печерской лавры. В последней он изучал рукопись Киево-Печерского Патерика⁵¹, в составе которой находился один из древнейших памятников древнерусского эпидейктического красноречия — «Похвала» Феодосию Печерскому.

Судя по всему, это не единственное произведение древнерусской панегирической ораторской прозы, с которым Ломоносов ознакомился в указанный период его жизни. Находясь в Киеве, он проявил большой интерес к личности первого митрополита-русина Илариона, автора древнейшего памятника древнерусской ораторской прозы — «Слова о Законе и Благодати» (середина XI в.). В тексте Патерика и «Каталога митрополитов киевских» (эта книга также находилась в библиотеке Киево-Печерского монастыря) Ломоносов отметил те места, где упоминается имя Илариона и события, связанные с его пребыванием на киевской митрополии⁵². Мы не имеем документальных подтверждений, что Ломоносов, работая в киевских библиотеках, обратился к «Слову» Илариона

⁴⁶ Там же. С. 131–132, 152, 155.

⁴⁷ Вот что сообщает по этому поводу М. В. Кукушкина: «В 1913 г. Архангельский церковно-епархиальный комитет подготовил к изданию описание рукописей Антониево-Сийской библиотеки в количестве 359 единиц, находившихся в Древлехранилище. Однако издание не было осуществлено, и в настоящее время неизвестно, сохранилось ли само описание». (Кукушкина М. В. Библиотека Антониево-Сийского монастыря в собрании Библиотеки Академии наук. С. 314).

⁴⁸ М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. С. 45.

⁴⁹ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 73.

⁵⁰ М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. С. 44.

⁵¹ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 75–76.

⁵² Там же.

как к историческому источнику и памятнику древней русской словесности. Тем не менее есть основания предполагать, что Ломоносов, находясь в Киеве, изучил древнейший памятник отечественной словесности. Учитывая его интерес к личности митрополита-писателя, это было бы вполне естественно. Не исключено, что личность Илариона и его «Слово» были известны Ломоносову задолго до его поездки в Киев. «Слово о Законе и Благодати» включалось «в самые различные по назначению книги, начиная от Кормчих, кончая Часословами, Службниками, Требниками, Канонниками»⁵³. Как было отмечено выше, с этими и другими церковными книгами Ломоносов был знаком с юности, когда он принимал участие в богослужениях в Куростровской церкви. Подтверждение этому находим в его «Записке о плане научных работ Августа Шлецера» 1764 г., где он писал, что «от молодых лет» был сведущ «в церковных обрядах и служебных книгах». Со списком «Слова» Илариона Ломоносов мог познакомиться и в библиотеке Соловецкого монастыря, а также после киевской поездки, в период пребывания в Москве в феврале—марте 1753 г., когда он посещал Синодальную (Патриаршую) библиотеку. Как отмечает Г. Н. Моисеева, сообщение Илариона о его поставлении в митрополиты, содержащееся в синодальном списке его сочинений, текстуально близко к сообщению об этом факте, сделанном М. В. Ломоносовым в «Кратком российском летописце»⁵⁴. Вряд ли можно допустить, что Ломоносов, проявивший в Киеве большой интерес к персоне первого митрополита-русина, как показывают испещрённые им листы книг с упоминаниями о связанных с Иларионом событиях, не использовал хотя бы одну из указанных возможностей изучить древнейший памятник отечественной литературы (по крайней мере, последнюю из упомянутых, ведь в Синодальном списке наряду с упомянутым выше сообщением Илариона содержалось и его «Слово»).

Занимаясь осенью 1734 г. в киевских библиотеках изучением рукописных и печатных книг, Ломоносов не мог не познакомиться и с творчеством позднейших южнорусских проповедников. Так, опираясь на высказывания самого Ломоносова (VII, 585—592) Г. М. Коровин замечает: «Ломоносов указывал, что словарный состав Библии и других богослужебных книг, написанных на “сродном нам коренном славянском языке”, может быть использован в русском литературном языке. Однако, по мнению Ломоносова, при этом следует использовать только книги, написанные на чистом славянском языке, понятном и привычном народу, **но не испорченные заимствованием из других языков произведения позднейших церковных писателей — ораторов и проповедников** (выделено мной — Т. А.)»⁵⁵.

Формирование отрицательного отношения к «позднейшим церковным писателям» (за исключением, пожалуй, Феофана Прокоповича) начинает складываться у Ломоносова, по всей видимости, уже в Киеве на основе сопоставления языка и стиля их сочинений с языком и стилем древних русских рукописей, в состав которых, как нам думается, можно включить не только библейские и богослужебные книги, но и русские летописи, жития и сборники церковно-панегирического состава (торжественники), содержавшие помимо греческих образцов ораторской прозы оригинальные памятники древнерусского красноречия.

Г. Н. Моисеева указывает только на три русские книги из киевских библиотечных собраний, на полях которых, как установила графологическая экспертиза, рукою Ломоносова были сделаны чернильные пометы. Это «Летописец келейный» Дмитрия Ростовского, а также упомянутые выше «Киево-Печерский Патерик» и «Каталог митрополитов киевских с летописанием вкратце». Однако с уверенностью можно утверждать, что книг с русскими статьями, внимательно изученных или бегло просмотренных Ломоносовым, было значительно больше.

⁵³ Розов Н. Н. Из творческого наследия русского писателя XI в. Илариона // *Dissertationes Slavicae*, 1975. 9/10. С. 120.

⁵⁴ Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 110.

⁵⁵ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. С. 346.

Его внимание, например, могла привлечь рукописная Кормчая XVII в., находившаяся в библиотеке Киево-Печерского монастыря⁵⁶. В неё, помимо предисловия об образовании болгарской и сербской автокефальных церквей, правил церковных соборов, законов византийских императоров, выписок из творений греческих авторов, включены русские статьи ценного содержания. На л. 645–655 этой рукописи помещены уставы Владимира и Ярослава, на л. 692–700 — «Русская Правда», а в между этими статьями (л. 677–678) находилось произведение выдающегося оратора Киевской Руси Кирилла Туровского — «Сказание о черноризчестем чину». Далее, на л. 712–715, содержалось «Постановление» собора русских епископов 1572 г. о разрешении Ивану Грозному четвёртого брака.

Заметим, что Ломоносов без труда мог найти эти статьи, поскольку содержание Кормчих книг при каталогизации обычно расписывалось. Состав данной Кормчей достаточно типичен, он даёт гипотетическое представление о характере ознакомления Ломоносова с памятниками письменности Древней Руси: чтение исторических документов, по всей вероятности, чередовалось с изучением произведений древнерусской словесности.

В библиотеке Киево-Печерского монастыря Ломоносов имел возможность изучить (или продолжить изучение?) ораторское наследие Кирилла Туровского. В описи монастырской библиотеки, выполненной Н. И. Петровым, под номерами 216 и 219 значатся рукописные сборники 1610 г. афонского происхождения — соответственно «Сборник цветоносный» («Сборник святогорский цветоносию») и «Сборник, писанный дьяком супрасльского монастыря Афанасием поповичем Селецким». Первый сборник составляют в порядке Цветной Триоди «слова» вселенских святых отцов, поздних византийских проповедников, а также помещённые под одним переплётом в приложении сборника Кирилла мниха «Слово на святую Пасху» (л. 418–420), «Слово о поновлении въскресения» (л. 422–426) и «Слово о снятии с креста тела Христова и о мироносицах» (л. 426–431).

Во втором сборнике, наряду с проповедями Иоанна Златоуста, Григория Богослова, содержались следующие «слова», надписанные именем «Кирилла мниха» или прямо «Кирилла епископа Туровского»: «В неделю новую по Пасхе, о поновлении воскресения и о Фомине испытании, и о артусе» (л. 326–331), «Слово о снятии тела Господня с креста и о мироносицах, от сказания евангельского, и похвала Иосифу» (л. 332–340), «Слово от сказания евангельского о расслабленном» (л. 341–347), «Слово от евангелия о слепце» (л. 356–361) и «Слово на Вознесение» (л. 361–366)⁵⁷.

Как пишет Н. И. Петров, такого рода сборниками афонского происхождения «имелось в виду восполнить недостаток оригинального проповедничества в юго-западной Руси того времени»⁵⁸. Примечательно, что недостаток этот восполнялся в начале XVII в. в том числе за счет ораторских произведений древнерусского проповедника Кирилла Туровского. Очевидно, литературная известность Кирилла сохранялась в ученом мире южной Руси (например, среди преподавателей и воспитанников Киево-Могилянской академии, монахов-книжников Киево-Печерского, Киево-Братского, Златоверхо-Михайловского и других монастырей) в течение всего XVII в. и, можно полагать, вплоть до времени приезда в Киев студента Славяно-греко-латинской академии Михаила Ломоносова.

Подводя итог сказанному, еще раз подчеркнем, что еще до отъезда за границу Ломоносов изучил большое число памятников древнерусской словесности, поскольку основной круг его чтения составляли преимущественно произведения церковной, богословской, а также русской исторической литературы. Беглый обзор книжных фондов посещенных Ломоносовым в эти годы библиотек дает все основания полагать, что Ломоносову были известны не только ораторские «слова» греческих авторов, но и большое число памятников древнерусского красноречия.

⁵⁶ Книжное собрание Киево-Печерского монастыря было описано академиком Н. И. Петровым. (См.: Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Вып. 2. М., 1897). Упомянутая Кормчая в описании Петрова помещена под номером 80.

⁵⁷ Собрание сочинений Кирилла Туровского (включая 25 молитв) имелось и в библиотеке Киевского Златоверхо-Михайловского монастыря. См.: Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. С. 131, 162, 194, 196, 218, 225–226.

⁵⁸ Там же. С. 4.

